

Литература

1. Hartley J. Knowledge Transfer and the UK Beacon Scheme: Improvements in Public Services. in S.Martin (ed.), Public Service Improvement: Policies, Progress and Prospects. London: Taylor and Francis, 2006. P. 45.
2. Малган Дж. искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю.Каптуревского под научи, ред. Я. Охонько. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 264.
3. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31, ст. 4196.
4. Никитина А.С. Готовность государственных служащих к инновациям // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург. 27-28 ноября 2013 г. Сб. ст. В 2 ч. Часть 1. Екатеринбург: Уральский институт – филиал РАНХиГС, 2013. С. 182.
5. Яголовский С.Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы [электронный ресурс]. М., 2010. Режим доступа URL:
6. <http://www.hse.ru/data/2010/05/13/1217328104/%D0%AF%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%A1.%D0%A0..pdf> (дата обращения: 23.11.2013)

Русакова О.Ф.,
г. Екатеринбург

МОБИЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Одним из теоретико-методологически трендов современных социальных исследований является утверждение парадигмы мобильности и связанного с нею так называемого «мобильного поворота» (mobility turn).

Данный поворот означает придание особой значимости феномену подвижности людских и вещественных потоков в процессе возникновения новых конфигураций социального пространства и времени. Феномен мобильности рассматривается современными исследователями в качестве атрибутивного свойства информационного общества в эпоху глобализации и важнейшей характеристики общества постфордистского типа. Благодаря работам З. Баумана [1], М. Кастельса [2], Дж. Урри [3], Т. Крессвелла [5] и др. такие понятия как «текущая современность», «потоки», «сети», «пространственно-временная мобильность» обрели статус научных категорий и стали основой построения новых социальных теорий и концепций.

Современные теоретические портреты мобильности различаются методологической оптикой, дисциплинарными подходами и приоритетными объектами исследования. Согласно известному британскому социологу Джону Урри дискурсы мобильности должны встать во главу угла новой дисциплины — социологии мобильности. Фокус внимания социологии, считает Урри, сегодня перемещается от изучения устойчивых социальных образований к исследованию взаимосвязей и констелляций различных видов и типов мобильности. Другой британский исследователь — Тим Крессвелл — предлагает рассматривать мобильность в контекстах смысловых полей дискурсов власти, репрезентаций и социальных идентичностей. Автор также выделяет грани политики мобильности, рассматривает категории, позволяющие комплексно подойти к теоретическому моделированию мобильности.

Особый интерес у современных исследователей вызывают такие виды мобильности как Интернет-мобильность, коммуникативная мобильность, транспортная мобильность, урбанистическая мобильность, миграционная мобильность, туризм как разновидность мобильности, академическая, университетская, культурная и гендерная мобильность.

Кроме того, исследования мобильности (mobility studies) включают в свою предметную область сравнительное изучение социально-пространственной и культурной мобильности разных исторических эпох, стран и народов. При выявлении инфраструктур различных исторических типов мобильности выделяются, к примеру, конная инфраструктура, характерная для мобильности эпохи Средневековья, железнодорожная инфраструктура, олицетворяющая мобильность индустриальной эпохи, автомобильная, авиационная и сетевая инфраструктуры, репрезентирующие мобильность современного типа.

Значительное внимание в mobility studies уделяется антропологическим аспектам мобильных коммуникаций, что находит свое отражение в новых понятиях, таких как «homo mobilis» (человек мобильный), «человек-турист», «третий объект» (гибрид мобильного средства и человека), «мотильность» (личностная предрасположенность или непрасположенность к мобильности), «глобтроттер» (многопутешествующий человек).

В исследованиях дискурсов мобильности отмечается их идеологическая заданность либеральными ценностными установками, в основе которых лежит представление о мобильном образе жизни как способе существования свободного человека в свободном обществе. Человек данного типа принципиально открыт для межкультурных и иных транснациональных коммуникаций, свободно владеет разными языками, легко передвигается по миру, ориентируется в глобальном рыночном пространстве, в новых информационных технологиях, в новинках потребительской культуры, плотно включен в социальные и политические сети.

Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов и концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику, позволяющую проанализировать и

сущностно «схватить» динамику коммуникационных процессов. Если ранее обществоведы при изучении социальных процессов оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «политический институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследований отчетливо перемещается в сторону изучения параметров социальной и политической динамики, а, следовательно, — к производству новой дискурсной формации, которую можно обозначить как дискурс мобильности.

На принципиальную важность разработки теоретико-категориального аппарата для научного анализа социальной мобильности в свое время обратили внимание такие известные исследователи как П.Сорокин и И. Пригожин. С именем П. Сорокина связано социологическое учение о социокультурной динамике, о вертикальной и горизонтальной мобильности. И. Пригожин положил начало развитию нелинейной динамики, теории хаоса, а также синергетики как учению о саморазвивающихся и неустойчивых системах.

Настоящий бум в сфере распространения дискурса мобильности связан с изучением феномена глобализации как важнейшего признака современности. Образ глобализации, глобального современного пространства получил одну из своих конкретизаций в концептуальном образе мобильности. Понятия «глобализация» и «мобильность» оказались в прочной эпистемологической и методологической связке.

Вместе с тем, объем исследований, посвященных развитию теоретического аппарата учения о мобильности до недавнего времени заметно уступал огромному массиву работ по проблемам глобализации. И только последние годы были отмечены настоящим валом специальных теоретических изысканий в области теории мобильности.

В целом ряде стран в настоящее время активно работают исследовательские центры, занимающиеся проблемами мобильности. Наиболее известным является Центр исследования мобильности в

Ланкастерском университете (Великобритания). Существует также Общеввропейская сеть исследований мобильности (<http://mcenterdrexel.wordpress.com>).

Тема мобильности сегодня раскрывается посредством целого ряда понятий («адаптивность», «подвижность», «изменчивость», «гибкость», «трансформация», «коммуникабельность», «интерактивность», «empowerment», «promotion» и др.) и метафор (метафоры *передвижения* в пространствах разного рода, включая виртуальные, метафоры *путешествия*, в том числе по ментальным мирам, метафоры *сети*, *потоков*, метафоры *хронотоп*, фиксирующие внимание на трансформациях в области восприятия пространства и времени в условиях ускорения жизни, антропоморфные метафоры, характеризующие homo mobilis).

В основе дискурсной группировки метафор мобильности лежит не только конкретная предметно-тематическая сфера, но также определенная концептуальная схема, ядром которой являются устойчивые ментальные образования, называемые концептами. Концепты не только формируют метафорические ряды, но и управляют образами мобильности.

Имена концептам, как правило, дают их базовые метафоры и понятия. Так, например, одним из концептов мобильности является *концепт нового номадизма* [4]. Данный концепт трактует номадический мир (мир кочевников) посредством таких метафор как «жизнь в пути», «флуктуальный мир», «челночное пребывание в разных средах».

В основе концепта традиционного номадизма лежит *дихотомия оседлости и кочевничества*, репрезентирующая историческое противостояние двух различных образов жизни и разных типов мировосприятия. В современном глобальном мире данное противостояние получило свою реализацию в антагонизме коренных жителей государств, местностей и регионов, с одной стороны, и «кочующих» категорий людей или «людей пути» (*gens du voyage*), таких как мигранты, беженцы, бездомные

бродяги, цыгане, с другой стороны. Территориальной и культурной укорененности противостоит территориальная и культурная «пришлость» и «понаеханность». Способ идентификации населения в подобном ключе осуществляется посредством *дискриминационного дискурса*, который всех «неукорененных» и «пришлых» относит к группе маргиналов и малодостойных людей, чьи права и маршруты передвижения необходимо ограничивать всеми возможными методами.

Концепт нового номадизма направлен против дискриминации «людей пути», а также — на общественное признание и повышение социальной значимости подвижного образа жизни, который адекватен современным вызовам мобильности. «Жизнь в пути», согласно концепту нового номадизма, представляет собой не отклонение от нормы, под которой в территориальном фундаментализме подразумевается оседлый образ жизни, а, напротив, является формулой успеха в мире подвижно-текучих реалий и размывающихся границ.

Новый номадизм под современностью подразумевает ситуацию активного размывания барьеров между цивилизационным «центром» и «периферией», «укорененностью» и «беспочвенностью». Ново-номадические исследования сфокусированы на изучении процессов инверсий, флуктуаций и трансформаций, происходящих в обществе, которые стали возможны благодаря ускорениям и мобильности современной повседневной жизни.

При анализе феномена мобильности сегодня активно разрабатывается и внедряется в общественное сознание *концепт подвижности*. Подвижность рассматривается как благо с медицинской, социально-адаптивной, экономической, коммуникативной и образовательной точек зрения.

Здоровый образ жизни трактуется не иначе как жизнь в движении. Медицинская реабилитация постоянно ассоциируется с процессом вставания на ноги и способностью к самостоятельному передвижению. Ценным личностным качеством во все времена считалась подвижность в форме

социальной адаптивности, соответствующая инстинкту приспособления к средовым особенностям, колебаниям и изменениям.

В современной экономической жизни гарантом коммерческого успеха выступает *маркетинговая подвижность*, которая реализуется в практиках рыночного продвижения товаров, услуг и брендов (промоушн), в расширении рыночного пространства, в рекламной экспансии и в поглощении конкурентов. Экономическая подвижность больших социальных систем сегодня рассматривается как условие успешного преодоления кризисных ситуаций, экономической стагнации и развития инновационности.

Особая значимость сегодня придается коммуникативной подвижности, которая считается исключительно ценным качеством при проведении дипломатических переговоров, а также при осуществлении культурного, образовательного и научного обмена. В сфере образования и науки концепт подвижности обрел свою практическую форму в программах *академической мобильности*. Данные программы активно внедряются в жизнь в странах Европы в рамках Болонского процесса. Под академической мобильностью в болонских документах подразумевается перемещение студентов, преподавателей, ученых и администраторов из образовательных учреждений одних стран в другие с целью повышения квалификации, обмена опытом и знаниями, установления и развития продуктивных контактов. Среди главных задач академической мобильности называются: 1) для студентов — обеспечение доступа к учебным заведениям европейских стран, к разнообразным образовательным услугам; 2) для преподавателей и исследователей — получение международного признания, прохождение стажировки для повышения академического статуса; 3) для администраторов — осуществление профессиональной переподготовки без нарушения статуса и законных прав.

В качестве главной цели и глобальной миссии академической мобильности называется *интернализация образовательного и научного*

процесса и повышение его прозрачности [6, с.10]. В гуманитарном плане академическая мобильность рассматривается как эффективный инструмент развития коммуникативных и профессиональных навыков, расширения горизонтов возможностей для личностного роста и для формирования независимого образа мысли. В целом же, академическая мобильность, по мнению компетентных респондентов, призвана осуществлять адаптацию университетского и научного сообщества к глобальному рынку труда.

Дискурс мобильности, считают специалисты в области программных задач болонского процесса, должен занять столь же достойное место в современных стратегических планах современных государств, что и дискурс трудовой занятости, поскольку направлен на развитие социальных институтов и бизнеса. Дискурс мобильности, поощряемый на национальном и международном уровнях, способствует тому, чтобы мобильность как глобальный проект стала предметом специального инвестирования.

Европейская политика в области академической мобильности, а, следовательно, и сам дискурс мобильности, распространяемый Европейским Союзом, в настоящее время подвергается весьма критическому анализу. «Великий дискурс» о мобильности, воплощенный в неслыханно популярной программе ERASMUS, принятой более 20 лет назад, и получившей свое развитие в новом варианте под названием ERASMUS MUNDUS (Программа 2020), все чаще рассматривается как дискурс неолиберального проекта глобализации, который направлен в сторону *маркетизации* высшего образования. За фасадом академической мобильности можно обнаружить и такое негативное для стран-отправителей явление как «утечка мозгов».

Исследования академической мобильности показывают, что данный процесс своей оборотной стороной имеет дальнейшее продолжение *вестернизации* глобального образовательного пространства. Потoki мобильных студентов, преподавателей и исследователей, в основном, имеют западный вектор. Лидерами в области массового приема «академических

туристов» выступают США, Великобритания, Германия, Австрия, Франция, а рекордсменами отправки на учебу за рубеж выступают страны Восточной Европы и Азии. В итоге, проект академической мобильности, изначально задуманный как проект интернализации научно-образовательной среды, трансформируется в глобальную маркетинговую стратегию, направленную на увеличение ресурсов soft power стран Запада, усиливая тем самым их конкурентное преимущество перед странами восточно-европейского региона, Азии и др.

В современном дискурсе мобильности прочно укоренился *концепт хронотопа*, раскрывающий динамическую взаимосвязь пространственных сетей и потоков с темпоральными характеристиками, такими как скорость, ритм, темп, цикличность, событийность.

Концепт хронотопа лежит в основе современных исследований *коммуникативно-информационной мобильности*. Коммуникативно-информационный подход к осмыслению мобильности акцентирует внимание на таком эффекте современных средств коммуникации как *сжатие пространства и времени*. Современный рост мобильности социальных субъектов, происходящий благодаря развитию высокоскоростных средств объективно-пространственной коммуникации (транспортная сеть) и виртуальной коммуникации (электронные СМИ, Интернет, сотовая связь, смартфон и т.п.), сжимает пространство и время, формируя тем самым хронотоп особого рода – коммуникативно-сетевой.

Хронотоп сетевой коммуникации представляет собой систему интерактивных коммуникативных взаимодействий, осуществляемых в пространстве сетевых сообществ. Хронотоп данного свойства стал предметом специального анализа в фундаментальном труде Мануэло Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». М.Кастельс выдвигает гипотезу о том, что в сетевом обществе пространство и время трансформируются под влиянием информационно-технологической

парадигмы, в результате чего возникает новая пространственная логистика, обозначаемая им понятием «пространство потоков». «Под потоками, — пишет Кастельс, — я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [2, с. 402]. Доминирующие социальные практики встроены в доминирующие социальные структуры. Основными сетевыми узлами пространства потоков, по Кастельсу, выступают центры информационно-технических инноваций, экономических и культурных обменов, распределения административной и политической власти. Другими словами, сетевая архитектура пространства коммуникативных потоков — это кристаллизация времени и констелляция власти современной информационной эпохи, это арена, где разыгрываются интересы и ценности социальных групп.

Все наше современное общество, утверждает Кастельс, построено вокруг потоков — потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Пространство потоков есть материальная организация материальных практик в разделенном времени, работающем через потоки.

Современное общество, по убеждению Кастельса, ассиметрично организовано вокруг доминирующих интересов и доминирующих хронотопов. На одном социальном полюсе — хорошо организованные элиты, контролирующие широкие сети хронотопов (пространственно-временных потоков) и потому доминирующие в социально-коммуникативном пространстве и времени. На другом — дезорганизованные массы, чьи хронотопы локальны и блокированы социальными практиками элит. Стратегия элит — тщательная изоляция своей пространственно-временной среды и сохранение контроля над пространственно-временными потоками

разного рода капиталов. Стратегия оппозиционных элите масс – расширение пространственно-временных коммуникаций вплоть до слома иерархической архитектуры хронотопа. Максимальное включение народных масс в управление пространственно-временными потоками приведет в итоге к ликвидации коммуникативных барьеров и к возникновению качественно нового хронотопа – экстра-временного (мгновенно-коммуникативного) или вневременного.

Мобильность, трактуемая как политическая и коммуникативная гибкость, сегодня выступает одним из атрибутивных черт «умной власти», обозначаемой термином «smart power». В работах ряда зарубежных авторов понятие «smart power» расшифровывается как способность превращать ресурсы soft power («мягкой» силы) и hard power («жесткой» силы) в стратегию, ведущую к желаемым результатам в форме предпочитаемого поведения других людей и государств. Гибкая стратегия, направленная на соединение силовых механизмов власти с коммуникативными практиками soft power обеспечивает политическим институтам и структурам наибольшую устойчивость и подвижность.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под науч. Ред. О.И.Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
3. Урри Дж. Мобильности [Текст] /пер. с англ. А.В.Лазарева, вступ. статья Н.А.Харламова. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.
4. Ушакин С. О людях пути: номадизм сегодня // www.akademia.edu/1876129
5. Cresswell, T. On the Move: Mobility in the modern West. New York: Routledge, 2006

6. Mobility: Closing the gap between policy and practice (E. Colucci, H. Davies, J. Korhonen, M. Gaebel). EUA Publications. 2012.

Соломатин Я.И.,
г. Екатеринбург

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРСТВЕ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В нашей статье мы рассмотрим развитие в англо-американской политологии второй половины XX в. таких теоретических аспектов проблемы политического лидерства, как сущность, природа, структура и механизм политического лидерства, функции политических лидеров и порядок их выполнения, типы политических лидеров и используемые ими стили лидерства.

Как отмечает Н. Бирюков, среди англо-американских специалистов «нет согласия даже по вопросу исходного определения политического лидерства. Одни исследователи понимают лидерство как влияние (Бернс, Даль, Кац, Мэтьюс, МакФарланд, Эдингер), с оговоркой относительно степени, величины или характера этого влияния (большее (Кац), необычное (МакФарланд)) или без таковой; другие – как управление, координацию или контроль (Даунтон, Эдингер, Стогдилл); третьи – как принятие решений (Аггер, Бречер, Ладд); четвёртые согласны признавать лидерами только новаторов (тех, кто «ведёт вперёд»), руководителей же, управляющих по старинке или принимающих пусть и оправданные, но не оригинальные решения, предлагают именовать как-то иначе (Бэйли; Дженнинг, Пэйдж)» [7].